

Лилия
Подгайская

Բլմբա
չա լյոժով

Аннотация

Наследница небольшого пограничного замка Лорен Эшли и молодой шотландец Ранальд Мюррей, стремящийся найти своё место под солнцем при английском дворе, становятся супругами по воле короля. Но... Для неё он — единственный на земле мужчина, завоевавший её сердце с первого взгляда, а она для него — просто довесок к замку и землям. Для мужчины главное в жизни — служба королевскому дому. Но постепенно Ранальд понимает, что в его жизни всё намного сложнее, и эта женщина, мать его наследника, стала значить для него гораздо больше, она завоевала его сердце. И он вступает в смертельную битву, чтобы защитить любимую, готовый пожертвовать собственной жизнью, чтобы спасти её.

Лилия Подгайская

Битва за любовь

XIV век, Англия

Пролог

Это было давным-давно, когда мужчины все сплошь были сильными и смелыми, женщины красивыми и нежными, а люди в целом — прямодушными, и ещё не научились лгать.

Победоносный император Антипий, расширяя границы своих владений и силой оружия принуждая к повиновению всех, не желавших идти под его руку, дошёл со своим непобедимым войском до прекрасной горной местности. Прозрачная неширокая река текла с высоких гор, пробивая себе меж каменистых берегов дорогу к морю, синющему вдали. Разведчики донесли императору, что за этой рекой начинаются владения маленького народа истов, которыми правит женщина, называющая себя царицей. Говорят, она очень хороша собой и умна. Подданные её почитают, любят и беспрекословно выполняют все её повеления.

Это было как раз то, чего так не хватало могучему императору. Ему подчинялись, но и только. Он хорошо знал, что если его сила хоть немного ослабнет, половина его империи сразу выйдет из повиновения. И потом женщина... Как может слабая женщина управлять целым народом, каким бы маленьким он ни был. Место женщины возле сильного мужчины, её обязанности — вести его дом и рожать ему детей для продолжения рода. Всё. Другого не дано и быть не может. А тут — царица! Император грозно нахмурился, и приближённые притихли. Они хорошо знали, как страшен их повелитель, когда его охватывает гнев, — не одна голова слетела с плеч ни в чём не повинных подданных, когда император гневался.

— Эта земля не стоит даже того, чтобы говорить о ней, мой повелитель, — выступил вперёд первый советник императора, старый и мудрый Клеон. — Сплошное нагромождение скал и ничего больше. И кучка дикарей под рукой слабой женщины. Разве это достойная добыча для могучего и непобедимого императора Антипия? Весь мир трепещет перед тобой, мой повелитель. Размеры твоей империи поражают воображение. Зачем тебе эти голые скалы? Мы только потеряем людей, карабкаясь на них.

— Людей у меня больше, чем песчинок на морском берегу, — высокомерно ответил на это

император, — и если когорта-другая поляжет в этих скалах, я даже не почувствую ущерба. Посему повелеваю начать вторжение в эту землю и привести мне эту женщину как пленницу. Я покажу ей, кто на самом деле может называть себя правителем. Я научу её покорности.

Он призвал к себе своего главного военачальника, сильного мужчину и непобедимого воина Ингридия и велел ему лично возглавить эту военную операцию и доставить пленницу.

— Если хочешь сохранить свою голову на плечах, Ингридий, то сделаешь так, как я велю, — хмуро закончил свою речь император и отвернулся.

Военачальник, прославившийся не одной победой, был ещё молод и, конечно, хотел жить. Поэтому он быстро отобрал три сильных когорты воинов и немедленно отправился на покорение маленького горного народа. Они легко переправились через реку и стали продвигаться вглубь скалистой местности. Странно, но нигде не было видно людей, готовых оказать им сопротивление. Вокруг было тихо и безмолвно, только слышался недовольный клёкот орлов, доносившийся из их поднебесных гнёзд.

Непонятное и ужасное началось, когда воины принялись карабкаться на становящиеся всё выше и круче скалы. Один за другим они стали падать в глубокие ущелья. Воздух наполнился криками

страха и боли. Силы нападавших катастрофически быстро таяли, хотя вокруг не было видно ни одного человека. Никто не нападал на них, а воины гибли десятками и сотнями. Опытному в военных делах и сильному стратегу Ингридию стало страшно. Он приостановил наступление, собрал своих людей в небольшой долине между скал, где разбил лагерь, и отправил гонца за подкреплением. Ингридий велел привести к нему ещё шесть когорт и доставить его старого воспитателя Домокла, который когда-то научил его держать меч в руках и потом прошёл рядом с повзрослевшим учеником все сражения и войны. Оглядевшись вокруг, военачальник отметил, что от трёх когорт, которые уверенно и с шутками выступили в поход не далее как вчера, осталась горстка перепуганных мужчин, с ужасом поглядывающих на высящиеся перед ними горы. А над ущельями стаями кружили грифы, чрезвычайно довольные устроенным для них пиром.

Ингридий, как мог, успокоил своих людей и пообещал им сильное подкрепление. Отступить он не мог — жажда жизни побеждала всё остальное. Ночь в лагере прошла тревожно. Часовые сменяли друг друга каждые два часа и проявляли необыкновенную бдительность. Но никто их не побеспокоил. Как только взошло солнце, люди были уже на ногах и с надеждой поглядывали в ту сторону, откуда должно было появиться

подкрепление. К полудню волна новых воинов заполнила маленькую долину, а военачальник уединился со своим мудрым воспитателем, чтобы разработать стратегию наступления.

Долго совещались Ингридий и Домокл. И, наконец, был разработан хитроумный план. Основная масса воинов должна была повторить вчерашний штурм. А под их прикрытием небольшой отборный отряд наиболее опытных и сильных воинов, возглавляемых самим Ингридием, направлялся в обход с тем, чтобы захватить горных жителей врасплох и взять в плен царицу.

Этот план удался. На главном направлении штурма воины по-прежнему гибли десятками и сотнями. Но малый отряд пробрался в сердце горной страны и захватил высокородную пленницу. Правда, это была не сама царица, а её дочь и наследница принцесса Тамаринда. Девочке было не больше трёх лет, и она являла собой образец ангельской красоты. Захватив пленницу, Ингридий сделал объявление, что не причинит ущерба ни ребёнку, ни кому-либо другому из захваченных пленников, если царица добровольно сдастся в плен и позволит доставить себя к императору. В противном случае ребёнок будет подвергнут мучительной смерти. Девочка смотрела на завоевателей большими, синими, как море, глазами и, казалось, понимала всё, что говорил могучий

воин со знаками высокого отличия. Но страха в глазах ребёнка не было.

Через некоторое время явилась сама царица Тамарис. Увидев её, опытные и много повидавшие на своём веку воины замерли в восхищении. Да и сам военачальник не сразу обрёл дар речи. Стоявшая перед ними женщина была потрясающе красива. Тонкие черты лица, синие-синие огромные глаза, золотого цвета роскошные волосы и изящное, гибкое и стройное тело. Но даже не это поражало в царице. Ей было свойственно какое-то необыкновенное величие. От неё исходила сила, перед которой хотелось преклонить колени.

— Ты обещал отпустить с миром мою дочь, военачальник, если я приду к тебе добровольно, — сказала царица чистым и звонким, как журчание горного ручья голосом. — Я пришла. Сдержи и ты своё слово.

Ингридий с трудом взял себя в руки и поклонился царице.

— Всё будет, как я сказал, если ты пойдёшь с нами, царица, — хрипло проговорил он. — Моё слово крепче камня.

Царица Тамарис кивнула головой и подошла к дочери. Взяв её на руки, нежно поцеловала и сказала несколько тихих слов, после чего передала девочку старой няне и повернулась к пришлым воинам:

— Я готова, военачальник.

Ингридий сдержал слово и не стал чинить препятствий захваченным в плен людям, которые вскоре как будто растворились в окружающих горах. А отряд отправился в обратный путь, стремясь соединиться с оставленными у подножия гор силами. Когда достигли долины, где был разбит лагерь, Ингридия приветствовал его старый учитель и с болью в глазах показал, что осталось от непобедимого войска. Из девяти тысяч отправившихся на штурм воинов жалкие две-три сотни остались в живых. Остальные стали пищей для хищных животных и птиц, которые пировали сейчас на их останках. Вышедшие живыми из этого ужаса воины были полностью сломлены духом и думали лишь о том, чтобы поскорее перебраться на свой берег.

Военачальник не стал испытывать их терпение и отдал приказ о возвращении в расположение армии императора. Для царицы были сооружены носилки, и она сидела на них, закутанная с головы до ног большим покрывалом. Будет лучше, если мужчины не увидят раньше времени эту потрясающую красоту, подумалось Ингридию. Четыре сильных воина несли носилки, меняясь каждый час, чтобы царица не испытывала никаких неудобств.

Остатки императорского войска, посланного

на завоевание истоков, спокойно перебрались через реку и вскоре достигли своей цели. На них смотрели с изумлением. Никогда ещё императорская армия не терпела такого сокрушительного поражения — в поход отправилось девять когорт, а обратно вернулась кучка измученных и сломленных людей, в глазах которых застыл ужас.

Изумление достигло предела, когда перед императором поставили носилки, и Ингридий, подав с поклоном руку царице, помог ей подняться на ноги, а потом снял с её головы покрывало. Вздох восхищения одновременно вырвался из сотен мужских грудей и мягко окутал царицу, придавая ей силы. Только сам Антипий смотрел на женщину жёстко и неприветливо. Всем было известно, что их император — мужеловец, и возле него всегда вьётся стайка красивых юношей, пробивающих себе дорогу в жизни через ложе повелителя. Но такая красота не могла оставить равнодушным никого.

Император, однако, смотрел на женщину глазами, полными ледяного холода.

— Слушай меня, женщина, называющая себя царицей, и хорошо запомни мои слова, — начал он громким голосом, в котором звучал металл. — На этой земле может быть только один повелитель, и это я. Сейчас ты громко признаешь это и

преклонишь передо мной колени. И после этого я отпущу тебя, но твой народ будет регулярно платить мне дань.

Антипий выжидательно смотрел на пленницу. Присутствующие замерли, и в звенящей тишине раздалось тихое, но твёрдое:

— Нет!

Император грозно нахмурил брови:

— Ты играешь с огнём, женщина. Ты даже не представляешь себе, что я могу с тобой сделать.

— Что бы ни измыслил ты, человек, называющий себя императором, это не изменит моего решения. Царицы истов никогда не преклоняли колени перед чужеземцами и не станут делать этого впредь. Мой ответ — нет, нет и ещё раз нет.

Царица стояла перед императором с гордо поднятой головой — невысокая хрупкая женщина, которую, казалось, можно переломить одной рукой. Но дух её оказался столь силён, что вызывал уважение и даже преклонение. Антипий вскочил на ноги, лицо его налилось угрожающей краснотой.

— Что ж, ты сама выбрала свою участь, несчастная, — зло проговорил он. — Непокорные рабы заслуживают вразумления. А я знаю только один способ как следует вразумить женщину. Сейчас ты здесь, на глазах у всех собравшихся будешь подвергнута наказанию через насилие.

Царица побледнела, однако не произнесла ни звука. А император выбрал из своих воинов двенадцать самых сильных и велел приготовиться к экзекуции. Воины смущённо поглядывали друг на друга, но послушаться не посмели. Их колебания были, однако, сразу же забыты, как только по знаку императора с женщины сорвали одежды. Она стояла перед ними, прекрасная в своей наготе, и гордо смотрела на своих мучителей. Глаза её метали синие молнии, но она молчала.

— Начинайте, — велел Антипий и сел на своё кресло, готовясь к интересному зрелищу. Он был полон предвкушения победы, когда эта гордячка преклонит, наконец, перед ним колени.

Первый из выбранных императором воинов, уже полностью возбуждённый видом обнажённой женщины, подошёл к царице, одним ловким движением повалил её на ковёр у ног императора и впился в прекрасное тело, извиваясь и стеная. Когда он завершил своё дело и, весьма удовлетворённый, поднялся на ноги, по знаку Антипия женщину вновь поставили перед ним, и он повторил своё требование.

В ответ раздалось тихое, но непреклонное «Нет!», и экзекуция продолжилась. После восьмого из мучителей, огромных размеров и дикого вида воина, который трудился над предоставленным ему телом дольше других, царицу не смогли поставить

на ноги — она потеряла сознание.

— Что ж, — сказал на это император, хищно улыбаясь, — мы продолжим наш разговор завтра. А сейчас отнесите её в шатёр, где сложены наши запасы, и стерегите самым строгим образом. И ничего не давайте, кроме воды.

Потрясённые всем увиденным люди разошлись, тихо переговариваясь между собой о необычном происшествии. Не успевшие получить своё воины из дюжины избранных императором палачей жадно расспрашивали более везучих товарищей об их впечатлениях.

— Это ни с чем не сравнимое блаженство, — ответил за всех дюжий Осмин, бывший последним в очереди. — Поверьте мне, я много женщин подмял под себя за свою жизнь, но такого удовольствия не получал ни от одной, клянусь. Она мягкая как бархат и одновременно тугая как хорошие новые ножны для моего меча. И горячая.

Остальные дружно закивали головами, глаза их замутились от сладких воспоминаний. Четверо оставшихся не у дел воинов решили развлечь себя доброй выпивкой в ожидании завтрашнего удовольствия — чтобы время быстрее прошло.

Утром следующего дня, когда поднялось солнце, люди снова собрались у шатра императора. Удовлетворённый проведенным вечером и слегка смягчившийся Антипий уселся в своё кресло в

предвкушении предстоящего зрелища. Полночи он, возбуждённый всем увиденным вчера, развлекался с двумя своими любовниками сразу. Оба старались изо всех сил, и доставили ему массу наслаждений.

Каково же было изумление всех собравшихся, когда посланные за пленницей воины вернулись ни с чем и заявили, что царица из шатра исчезла. Император не мог поверить в это и послал целый отряд, чтобы они всё перевернули и нашли беглянку. Но и эти воины вернулись с тем же результатом. Царица как будто в воздухе растворилась. Призвали воинов, стороживших шатёр с пленницей. Четверо дюжих мужчин в один голос клялись, что всю ночь не спускали глаз с шатра и никуда не отлучались. Всё было тихо, и ничто не вызывало беспокойства. Взбешённый император велел тут же казнить их и послал на поиски беглянки две когорты воинов во главе с опытными и сильными командирами. Те вернулись ближе к вечеру и сообщили, что не смогли даже перебраться на другой берег — тихая река превратилась в бешено ревущий поток, в который даже войти невозможно. Император сгоряча съёл головы обоим командирам, не сумевшим угодить ему, и принялся думать, как выйти из этого положения — он чувствовал себя униженным и оскорблённым.

Никто из окружающих не решался даже

приблизиться к пребывающему в гневе Антипию. Наконец тот подозвал к себе верного Клеона и спросил, что он думает обо всём этом. Клеон был уже стар и не так боялся смерти, как другие. К тому же он привык говорить императору правду.

— Я думаю, что ты уже одержал свою победу, повелитель, — сказал советник, — ты показал этой женщине, что сильнее её. Но само небо встало на её защиту и не позволяет уничтожить этот маленький народ. Перед этой силой придётся склониться даже тебе, о сильнейший из сильных и храбрейший из храбрых. Оставь в покое этот дикий клочок земли и наслаждайся тем, что имеешь.

Поразмыслив немного, Антипий согласился с мудростью своего советника и отдал распоряжение снимать лагерь и двигаться к своей столице. Ему самому порядком надоели эти походные условия.

Всю обратную дорогу люди перешёптывались между собой о странных событиях, которым были свидетелями. Куда девалась царица? Как могла она исчезнуть без следа из огромного и хорошо охраняемого лагеря? И что случилось с тихой рекой, превратившейся в непреодолимое препятствие на пути воинов императора? Правда, те, кто был послан в карательную экспедицию, ни минуты не сожалели о том, что не смогли переправиться через реку. Им вовсе не хотелось разделить участь множества погибших в тех горах

товарищей. Понемногу разговоры стихли, происшествие стало забываться.

Прошло несколько лет. Антипий всё так же жёстко управлял своей огромной империей, не щадя ни сил, ни жизней своих подданных. С годами характер его стал ещё тяжелее. Он не терпел никаких возражений, требовал полного и безоговорочного подчинения и всё чаще жестоко наказывал не угодивших ему юношей, которые не сумели дать ему полного наслаждения на ложе. В окружении императора появились тревожные настроения. Давно не было в живых мудрого Клеона, который один умел справляться с гневом своего повелителя и смягчать его нрав. Люди боялись приближаться к императору, а он становился всё требовательнее, всё злее.

Как-то в начале лета праздновался день рождения императора. Было устроено великое торжество. Антипий сидел в своём шикарном кресле под великолепным балдахином и принимал поздравления и подарки от своих подданных. Что только не подносили ему ищущие его благосклонности приближённые! Однако угодить императору становилось всё труднее. Он пресытился богатствами, и удивить его было нечем.

Когда день начал клониться к вечеру и даров вокруг императора собралось видимо-невидимо, к трону Антипия приблизился дорогой одетый старик,

рядом с которым шёл очаровательный юноша. Тот был не слишком высок, строен, светловолос и красив. Глаза императора загорелись — это был как раз такой тип, что давал ему наивысшее наслаждение. Антипий окинул взглядом всю фигуру юноши, задержал глаза на крепких бёдрах, дорисовывая в воображении упругие ягодицы, и задрожал от нахлынувшего вожделения.

— Моя хозяйка шлёт тебе в дар этого милого юношу, который готов служить тебе верой и правдой, повелитель, — склонился в глубоком поклоне старик.

Юноша же смотрел на престарелого императора таким нежным, таким ласкающим взглядом, обещавшим море наслаждения, что Антипий забыл обо всём.

— Передай своей хозяйке благодарность от меня, старик, — небрежно бросил он дарителю. — А ты, красавец, подойди ко мне и сядь рядом.

Юноша послушно опустился на ковёр у ног императора, продолжая нежно улыбаться ему. Антипий ощутил, как его могучий мужской орган, который мог бы произвести на свет много сильных воинов, если бы использовался по назначению, пришёл в полную готовность. А когда юноша облизнул губы и как будто потянулся к нему, терпение императора оборвалось, и он объявил, что устал от праздника и желает отдохнуть. А вечером

ждёт всех приглашённых на большой пир. И велел не беспокоить его, пока не придёт время праздничного застолья. После чего ушёл в свои покои, уводя за руку свою очаровательную добычу.

Собравшиеся на площади перед дворцом люди потихоньку разошлись. Служители стали готовиться к пиру. Дворец затих, не рискуя мешать отдыху повелителя. Когда подошло время пира, распорядитель дворца отправился к императору. Он неслышно вошёл в покои повелителя, сделал несколько шагов и замер, потрясённый тем, что увидел. Возле широкого императорского ложа сидел на ковре подаренный повелителю юноша. Обняв свои колени, он неотрывно смотрел на императора. А тот скорчился на шикарном шёлковом покрывале, лицо его посинело и выражало крайнюю степень муки, а руки как будто пытались разорвать грудь, чтобы впустить в лёгкие воздух. Повелитель был мёртв.

— Что ты наделал, несчастный?! — вскричал потрясённый распорядитель.

— Я — ничего, — спокойно ответил юноша, — это он пытался воспользоваться мною и не выдержал, умер, как видите.

Распорядитель, крича, выбежал из покоев императора, и вскоре там собрались все самые важные персоны из приближённых Антипия. Юноша всё так же спокойно сидел на ковре, глядя

на вошедших безмятежными синими глазами.

— Что здесь произошло? — требовательно спросил главный советник императора.

Распорядитель дворца сбивчиво принялся рассказывать о том, что увидел, войдя в покои. Но ту же картину видели и все остальные. Ничего не прояснилось после слов старого слуги. И главный советник обратил свои вопросы к юноше.

— Я охотно расскажу вам всё, что знаю, — заявил юноша, несколько не смутившись ситуацией. — Видите ли, много лет назад этот человек ужасно унизил и оскорбил мою мать, царицу Тамарис. Вернувшись из плена, куда пошла добровольно, полагаясь на честь императора, царица обнаружила, что тяжела после совершённого над ней насилия. И тогда она приняла решение наказать обидчика. Она вскормила меня отравленным молоком и вырастила на ядах. И я стал ядовитым сильнее любой фаланги, укус которой смертелен. От моего дыхания даже вянут цветы и гибнут насекомые. Любое прикосновение ко мне смертельно опасно. А он целовал меня и даже пытался ворваться в моё тело, но я не позволил. Моя мать сказала, что вырастила меня как живой меч возмездия для тирана, и погубить его — цель моей жизни. Свою задачу я выполнил, и что будет дальше, мне безразлично. Но я желал бы уйти отсюда.

— Ты можешь идти, юноша, — сказал на это главный советник, который был в своё время вместе с императором во время попытки покорения горного народа и видел своими глазами, что сотворил их повелитель с доверившейся ему царицей.

Этот человек, как и многие из окружения императора, не одобрял действий своего правителя. Однако противоречить повелителю было опасно для жизни, и это хорошо знали все в огромной империи. То, что произошло сейчас, высокий сановник расценил как справедливую кару для сластолюбивого и жестокого правителя. Откровенно говоря, с его смертью многие вздохнут свободнее. А с управлением империей отлично справится прославленный воин и мудрый политик Ингридий, имеющий нормальную семью и трёх сыновей, как и положено любому высокопоставленному вельможе.

Никем не остановленный, юноша, не спеша, вышел из дворца и двинулся по направлению к морю. Страшная новость бежала впереди него, и люди широко расступались, давая дорогу ядовитому человеку, одно дыхание которого способно убить.

Никто не знает, что стало потом с этим отравленным ядами юношей, как прошла жизнь его матери царицы Тамарис, но с тех пор в сознании и

речи людей появились три новых слова — Ложь, Коварство и Мечь.

Глава 1

*Англия, Шропшир,
Замок Эндлгоу,
Конец лета 1348 года*

Легенду о гордой царице Тамарис Лорен знала с детства. Её няня Элли, всегда дарившая ей море любви и тепла, в которых можно было купаться, рассказала ей эту необыкновенную историю давно, когда девочке было лет десять. Легенда произвела на Лорен огромное впечатление и помогла ей понять, что в жизни не всё так просто и нередко приходится бороться за то, чтобы достичь желанной цели. И надо быть сильной и гордой, чтобы победить в борьбе. Вначале, когда была маленькой, она очень жалела бедного юношу, ставшего орудием мести, но потом стала думать, что он был даже по-своему счастлив, когда осуществил то, ради чего жил. И всегда ей хотелось узнать, что случилось с маленькой принцессой Тамариндой, была ли она счастлива в жизни.

Саму Лорен жизнь не баловала никогда. Её мать умерла от родильной горячки, оставив

новорожденную девочку на руках пожилой няни. Элли, вырастившая ещё саму хозяйку, приняла ребёнка в свои тёплые объятия и с тех пор заменила девочке и почившую мать, и вечно отсутствующего в замке отца.

Их замок Эндлгоу затерялся в просторах северного Шропшира, почти что на границе с Поуисом. Барон Стивен Эшли, хозяин этого крепкого замка, был человеком, не знающим, что такое любовь. Он удачно женился на Аделизе Бэкстон, получив с её рукой достаточно средств, чтобы укрепить своё владение, расчистить и углубить ров вокруг старых стен и сделать новый навесной мост, который теперь поднимался и опускался гораздо быстрее и легче и не издавал таких душераздирающих скрежещущих звуков, как прежде. Барон был чрезвычайно доволен, и не особенно горевал, когда его молодая жена скончалась спустя несколько дней после родов. Тем более что принесла она ему девочку вместо такого желанного сына. Едва выдержав положенный срок траура, барон женился опять. Его избранница Урсула Сэттон снова принесла ему достаточно средств, чтобы обновить многие сооружения внутри обветшавшего замка. Это с лихвой компенсировало её мало привлекательную внешность и не слишком покладистый характер. Внешность жены была глубоко безразлична барону.

По его мнению, ночью все кошки серы, а полюбоваться на женскую красоту можно и вне дома, что он и делал без малейшего зазрения совести. А что касается характера, так с ним такие шуточки не проходят. Он властно взял жену в ежовые рукавицы, и при нём она всегда была тише воды, ниже травы.

Положение в замке изменилось, когда баронесса Урсула родила одного за другим двух крепких сыновей, чрезвычайно похожих на отца и друг на друга. Иногда создавалось впечатление, что Джон и Годфри близнецы, хотя между ними был год разницы. За этих, таких желанных, мальчишек барон многое прощал жене, и постепенно она возвысила голос и незаметно стала забирать в свои маленькие, но крепкие руки власть во владениях мужа. Тем более что сам барон бывал в собственном замке всё реже. Он почти всё своё время проводил в сражениях, воюя вместе с королём Эдуардом. А власть, как оказалось, была всем для его супруги. Она заменяла ей и невзрачную непривлекательную внешность, и полное отсутствие любви в отношениях с мужем.

Эдуард III Плантагенет, взошедший на трон более двадцати лет назад, не сразу обрёл силу и истинную власть. Только когда ему исполнилось восемнадцать, он решительно сбросил опеку матери и её фаворита лорда Роджера Мортимера, графа

Марча. Он заточил мать в отдалённый монастырь, казнил ненавистного лорда, одержал свою первую победу в Шотландии и начал войну с Францией. А требовал он ни много, ни мало как французскую корону, претендуя на трон по праву рождения матери — королевы Изабеллы, дочери французского монарха Филиппа Красивого.

За последние два года король многого добился. Он одержал важную для Англии победу в битве при Креси, в Пикардии. Следом путём длительной осады добился капитуляции Кале, ставшего опорным пунктом англичан на материке. А потом в битве при Невиллс-Кроссе разбил войско шотландцев, главного союзника французов, а их короля Дэвида II захватил в плен и заключил в Тауэр.

Барону Эшли было чем гордиться, поскольку во всех этих битвах он был рядом с королём. Что творится в его родовом замке — об этом он не думал. Главное, что замок в достаточной мере восстановлен и укреплён. И если сыновей своих он иногда вспоминал, то о дочери не думал никогда. Она его просто не интересовала.

А Лорен, между тем, подрастала. И чем старше она становилась, тем более походила на почившую мать. Многие в замке и его окрестностях и сейчас, спустя почти шестнадцать лет, помнили, какой красавицей была первая супруга барона, и

как приветливо она относилась к людям. Повзрослев, Лорен приобрела высокой и гибкой стан, её волосы роскошного цвета тёмного мёда шелковистыми волнами падали на спину, а глаза были удивительно мягкого коричневатого оттенка, который можно сравнить разве что с глубоким тоном хорошо отшлифованного топаза. Мачеха только хмурилась, наблюдая эти преобразования во взрослеющей девочке. Ей всё чаще думалось, что надо бы поскорее отдать её замуж и избавиться от живого напоминания о первой баронессе Эшли, которую и до сих пор помнили и любили в замке.

Лорен же жила с укоренившейся в сердце любовью к своей земле, своему, пусть не слишком красивому, но достаточно надёжному замку и живущим здесь людям, многие из которых были её друзьями. Ей нравились дикие окрестности замка над широкой рекой Северн, текущей с Кембрийских гор Уэльса, зелёные холмы, покрытые лесами, вересковые пустоши, где так хорошо скакать верхом, соперничая в скорости с вольным ветром. Она очень любила прогулки к развалинам одной из древних крепостей, которых множество разбросано по их графству. Эти укрепленные форты далёких предков, пригодные только к обороне, но никак не для жилья, давно уже превратились в груды камней, густо поросших зарослями ежевики. Однако в развалинах возле Эндлгоу ещё сохранились

пещеры, отдалённо напоминающие человеческие жилища. Они с её другом детства Эндрю Хоупом не раз бывали там, осматривая эти мрачные заваленные камнями проходы. Эндрю был племянником старой Элли, сыном её самой младшей непутёвой сестры Хелен, которая сбежала из замка с заезжим торговцем, оставив трёхлетнего сына совсем одного. Он был всего на год старше Лорен, и няня Элли заботилась о них обоих.

Надеясь на свою возросшую власть в замке и обретённое не слишком давно влияние на стареющего супруга, баронесса Урсула принялась искать жениха для падчерицы. Она верила в то, что сможет убедить барона в правильности своего выбора — ведь он никогда не интересовался дочерью. Пораскинув умом так и эдак, баронесса Эшли начала обсуждение этого вопроса со своим дальним родственником Симоном де Бре. Он был старшим сыном у отца и вот-вот должен был унаследовать небольшое поместье под Ковентри. Это достаточно далеко, чтобы забыть о дочери мужа навсегда. И большого приданого родственники не запросят, им будет довольно и того, что они породнятся с бароном, близким к самому королю.

По приглашению баронессы Симон де Бре приезжал в Эндлгоу. Никаких решений принято не было, но будущие супруги, как она их уже

называла, смогли увидеть друг друга. При этом предполагаемый жених знал, кого видит перед собой, а Лорен думала, что это просто гость, родственник мачехи, и не обратила на мужчину никакого внимания.

Баронессе Урсуле же родственник весьма понравился. Это был крупный мужчина лет тридцати с грубым волевым лицом и жёсткими непослушными рыжими волосами. При первом же взгляде на него было видно, что это человек сильный, привыкший крепко держать в руках то, что ему принадлежит. Как раз такой, как и нужен её своевольной падчерице.

А претендент на руку Лорен был совершенно очарован не столько ею, хотя девушка была, безусловно, хороша, сколько владением родственников. И в его предприимчивой голове сразу стали рождаться планы один авантюрее другого. Барон Эшли без конца воюет на континенте, так недолго и погибнуть от вражеского меча. Баронесса Урсула ослеплена своей властью в замке и не понимает, как легко можно её потерять. А мальчишки ещё малы, в силу не вошли, с ними справиться ничего не стоит. И вполне можно стать хозяином этого замечательного замка. Так что надо жениться на девушке, да поскорее.

Но баронесса окончательного слова не сказала. Она сослалась на необходимость

согласовать этот важный вопрос с мужем и обещала сразу же известить родственника, как только окончательное решение будет принято. Ему же пока следует позаботиться о том, чтобы стать полновластным хозяином своего поместья под Ковентри. С тем тайный жених и уехал, раздосадованный такой неопределённостью, но не теряющий надежды.

Лорен же пребывала в полном неведении и спокойно продолжала жить в установившемся ритме, занимаясь привычными делами. Неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы в их жизнь не вмешалась сама судьба.

Пока король Эдуард со своими сподвижниками одерживал так радующие его душу победы, к границам Англии подобрался враг, одолеть которого не могло никакое оружие. На страну надвигалась сама «Чёрная смерть». Чуму завезли в Европу годом раньше на одном из итальянских кораблей, вернувшихся из похода в Таврическое море. «Великий мор» наступал на Европу с Востока, и смерть принялась косить людей, опустошая города и целые регионы. Она не делала различий между молодыми и старыми, бедными и богатыми, и ужас охватил людей. Лекарши не знали средств от этой напасти. И по всей Европе загорелись чадающие страшным дымом костры, на которых сжигали умерших. Хоронить их

было уже некогда, да и часто некому.

И вот теперь «Чёрная смерть» стояла у дверей Англии. Беда пришла с запада, из портов, и быстро двинулась на Лондон. Вернувшийся в страну король Эдуард сначала твёрдой рукой удерживал народ от паники, беспорядков и мародёрства, а чиновников от бегства. Ведь нужно было продолжать работу судовых инстанций и Парламента, исправно взимать налоги. Но вскоре не выдержал и он — сбежал в одно из загородных поместий, затребовав к себе священные реликвии. Последним его указом перед тем, как покинуть Лондон, была отмена зимней Парламентской сессии 1349 года. Вслед за королём бежало высшее духовенство. Столицу массово покидали все, кто имел владения в провинции. Лондонцы почувствовали себя брошенными на произвол судьбы и впали в полное отчаяние. А чума принялась за работу и двинулась дальше, на восток и на север страны. Начался небывалый падёж скота, и люди заговорили о том, что это Господь карает погрязший в грехах мир.

Как только начались эти страшные события, и король уединился с семьёй вдали от своих подданных, барон Стивен Эшли устремился в свой замок. С ним было два десятка крепких, закалённых в битвах воинов. Но до замка их добралось только восемь. Остальные буквально сгорели в пути.

Первый из них свалился с ног недалеко от Лондона. На него обрушилась невыносимая головная боль, он горел в лихорадке, а потом вдруг начинал стучать зубами от сильнейшего озноба. Когда же под рукой у него вздулся огромный красный пузырь, товарищи не выдержали и, покинув несчастного умирать в одиночестве, ринулись прочь. Но это не помогло. Один за другим заболели ещё одиннадцать человек. Они молили прикончить их, избавив от мучений, но оставшиеся здоровыми боялись притронуться к ним и покидали несчастных, предоставив их своей судьбе.

Объятый животным страхом, ни о чём не думая, барон Эшли нёсся к своему замку. Ему казалось, что за его крепкими стенами он сумеет спрятаться от этой страшной напасти. Мысль о том, что он несёт смерть своим близким, ему и в голову не приходила.

А злые вести, как это часто бывает, летели впереди людей. Многие поместья и замки накрепко закрыли свои ворота для посторонних людей. Даже своих, выезжавших за пределы владения, обратно уже не пускали. Страх смерти был сильнее родственных и тем более просто дружеских уз. Но баронесса Урсула не посмела закрыть ворота перед вернувшимся хозяином. А на другой день барон свалился с жесточайшей лихорадкой.

Как только хозяин вернулся в свой замок,

старая Элли не позволила Лорен даже краем глаза увидеть отца. Она заперла её в отдалённом коттедже и призвала на совет Эндрю. Тот был юношей сообразительным и сразу понял, какая опасность угрожает Лорен и им всем. Посоветовавшись между собой, они решили бежать из замка, тем более что весть о нездоровье хозяина уже разнеслась среди людей. Слуги кинулись из замка врассыпную, кто куда. Не все могли найти приют у родных или близких людей. Но голодная смерть за стенами замка казалась не такой страшной, как эта чудовищная хищная напасть.

Единственным выходом, какой пришёл в голову, было прибежище в развалинах старой крепости. Не зря они с Лорен облазили её всю, и знали теперь каждый уголок в этих разрушенных стенах. Нужно было только взять с собой всё необходимое, и этим срочно занялись. Эндрю в свои семнадцать лет был уже достаточно силён и ловок, чтобы привести их временное убежище в мало-мальски пригодный для жизни вид, успешно охотиться и ловить рыбу. Он многое умел делать своими загрубевшими в тяжёлой работе руками. Собрав то нужное, что могли унести с собой, Лорен, Элли и Эндрю, прихватив с собой молодую служанку Нелл и её малыша Брайана, тёмной ночью покинули замок, уйдя через мало кому известный подземный ход.

Обустроиться в разрушенных стенах так, чтобы быть защищёнными от холода, ветра и дождя, оказалось непросто. Но с этим справиться удалось. Хуже было с огнём. Нельзя было привлекать к себе внимание дымом, это было опасно. Поэтому грелись все вместе под слоем прихваченных с собой одеял, а пищу готовили на кострах, которые разводили каждый раз в новом месте и как можно дальше от своего убежища. К счастью, люди в такой обстановке не склонны были выходить за пределы своих жилищ, и их никто не потревожил. Но Эндрю, как признанный командир их маленького отряда настаивал на крайней осторожности, и ему подчинялись.

Так прошло три томительно долгих месяца, и стало заметно холодать. Теперь мысль о домашнем тепле всё чаще приходила в голову всем. А когда первый раз лёгкий ледок покрыл гладь воды в огромной выбоине камня, которая служила им колодцем, Эндрю решился отправиться на разведку в замок.

Вернулся он уже перед самым заходом солнца. Рассказать было что. Обстановка в замке плачевная. Все хозяева умерли. Остался только старенький замковый священник отец Найджел, которому удалось чудом пережить эту беду. Он сам и похоронил хозяина, хозяйку, обоих их сыновей и горничную леди Урсулы Мэг. Потом на помощь

ему пришёл управляющий поместья Клайд Нилл, такой же старый и слабый, как и он. Оба они оставались в замке, закрыв его ворота и подняв мост. Эндрю еле докричался до них. Остальные все из замка ушли, как только началась эта напасть. Люди покинули даже селенье под стенами крепости, разместившись на дальних фермах, на хуторах и просто в лесу — в шалашах и землянках. Они не решались возвращаться обратно, тем более что не знали, осталась ли жива леди Лорен. О гибели хозяев они слышали. Теперь вся надежда была на наследницу. Эндрю оповестил всех, кого смог, что им уже можно возвращаться в свои дома и к своим обязанностям в замке. Радостная весть разнеслась по округе. Теперь можно вернуться и им. Осталась последняя ночь в этой старой разрушенной крепости, ставшей неожиданным приютом для людей.

Рано утром следующего дня отправились в обратный путь. Тревога немного отпустила Лорен, хотя она плохо представляла себе, как будет сама управляться с огромным хозяйством замка. Вся надежда была на Клайда Нилла и отца Найджела. И, конечно, на Эндрю. Пережитые трудности сделали его мужчиной, и теперь Лорен очень рассчитывала, что он сможет организовать оборону замка в случае необходимости.

Их возвращение стало праздником для всей

округи. Люди вернулись в свои дома и снова получили работу, которую очень боялись утратить. Новая хозяйка встретила их приветливо, радуясь, что потери в людях оказались невелики. Хуже было со скотом. Но это всё-таки поправимо. Зиму они переживут, а весной появится новое поколение живности на подворьях. И, даст Господь, они справятся. Нашлось и полтора десятка молодых мужчин и парней, которые готовы были стать воинами. Покалеченный в боях старина Бен, вернувшийся два года назад из-под Кале едва живой, взял на себя обязанность обучить новобранцев боевому искусству, а Эндрю принял пост командира гарнизона, если можно было так сказать о кучке необученных крестьян. Тем не менее, дело пошло. У мужчин это, по-видимому, в крови, и обучались они быстро. Оружие в замке было, да и местный кузнец опять принялся за работу. Новоявленных воинов взяли на довольствие в замке, и их семьи получили облегчение на эту первую после мора, самую трудную зиму. Запасов в замке оказалось достаточно — старый Клайд отлично знал своё дело и служил хозяевам не за страх, а за совесть. Он и помог Лорен найти деньги, которых оказалось достаточно, для того, чтобы в случае надобности нанять ещё людей для защиты замка. В их краях о нападениях валлийцев слухов давно не было, но всё-таки нужно было помнить,

что граница с Уэльсом совсем близко.

Зима прошла нелегко, хотя, к счастью, была не слишком суровой. Когда зазвенела капель, и солнышко стало пригревать землю, люди приободрились. А, увидев на холмах первую зелень, вовсе воспрянули духом. Теперь нужно было думать о работах на земле.

И тут, как снег на голову, на замок обрушилась новая беда. Она пришла не с запада, как опасались, а с юга. В Эндлгоу явился Симон де Бре, родственник почившей хозяйки. Он прибыл как гость, хотя Лорен не могла понять, что ему нужно здесь, когда леди Урсулы уже нет среди живых. И гость объяснил.

Он выразил большую радость от того, что леди Лорен осталась жива после этого страшного мора, опустошившего страну. Его лицемерное соболезнование по поводу утраты ею отца и мачехи не убедило её, поскольку в глазах его при этом светилось полное удовлетворение. А дальше непрошенный гость сделал и вовсе шокирующее заявление. Он сообщил, что приехал выполнить договор, заключенный между ним и леди Урсулой, которая обещала ему руку падчерицы.

— Но позвольте, сэра, — ответила на это ошеломлённая Лорен, — я не знаю об этом ровным счётом ничего, со мной никто не говорил. И потом вопрос этот должен был решать мой отец, а вовсе

не леди Урсула. А отец этого сделать не успел, поскольку заболел сразу по возвращении в родной дом. Я не хочу даже обсуждать с вами это и прошу вас покинуть мой замок.

— Ах, вот как вы заговорили, леди, — опасно прищурился мужчина. — Вы не желаете со мной разговаривать. А придётся. Поскольку, если вы не дадите своего согласия сейчас, в конце лета я явлюсь уже не один и возьму силой то, что мне обещано. И пользуйтесь моментом, пока я ещё добрый. Вам лучше не знать, каким я бываю, когда меня разозлят.

— Меня не интересуют особенности вашего характера, сэр, — твёрдо парировала Лорен, хотя в душе её нарастала паника, — я не выйду за вас, и это моё последнее слово.

— Ладно, — проскрежетал гость, окинув её злобным взглядом, — тогда до следующей встречи, леди.

И он растянул губы в улыбке, от которой внутри у Лорен всё сжалось. Глаза при этом оставались холодными. И очень жестокими.

Гость повернулся и вышел из зала. Вскоре она услышала, как копыта его коня процокали по камням двора, затем с лёгким звуком опустился и вновь поднялся мост. Визит Симона де Бре остался в прошлом, но страх не отпускал. Она знала, что он вернётся. Такой как он не выпустит из рук хороший

крепкий замок и людей, которые могут обеспечить ему безбедную жизнь. Что делать? Что ей теперь делать?!

За помощью Лорен обратилась к отцу Найджелу, и через час в небольшой комнате за залом состоялся военный совет. Его участники совершенно отчётливо понимали, какая угроза нависла над Эндлгоу и людьми.

— Это, пожалуй, похуже чумы будет, — заметил старый Клайд, — от той хоть спрятаться можно, а от этого хищника и уйти некуда.

— Надо готовить оборону замка, — твёрдо высказал свою точку зрения Эндрю, — нам понадобятся люди, и их поиски следует начинать, не откладывая.

— Вы должны просить помощи у короля, леди Лорен, — уверенно заявил отец Найджел. — Ваш батюшка верой и правдой служил ему много лет. Не может быть, чтобы Эдуард отказал в поддержке его дочери.

Обсуждения и споры затянулись надолго. Слишком много сложных вопросов нужно было решить. Кто может сопроводить леди в Лондон? Как обеспечить её безопасность в пути? Как попасть к королю? Как надёжно защитить замок с таким слабым и ещё недостаточно обученным гарнизоном? И ещё много «как» возникало в этот вечер. Ясно было только одно — они вступают в

очень опасную борьбу, и чтобы победить в ней, нужны не только огромное мужество, но и большие деньги. Того, что есть на сегодняшний день в замке, совершенно недостаточно. Поздно вечером они разошлись, так и не выработав пока чёткого плана действий.

— Думаю, к утру в голове у нас прояснится, и мы найдём решение, — успокоил Лорен священник. — Я верю, что Господь надоумит нас, как выйти из этого положения.

Утром, действительно, появились здравые мысли. Решили, что вполне можно продать соседнему бенедиктинскому монастырю дальний заливной луг, на который монахи давно уже поглядывают с большим вожелением. У них же можно просить помощи с сопровождением леди в Лондон. Денег, имеющихся в наличии, хватит, чтобы оплатить эту услугу. А там придётся продать все имеющиеся в замке драгоценности — украшения леди Аделизы, леди Урсулы и самой Лорен. Времена наступили трудные, и даже если король оградит леди Лорен от притязаний этого алчного молодчика, нужно ожидать появления других — слишком лакомым кусочком для многих стал замок с незамужней наследницей. И, по-видимому, надо искать для леди достойного супруга, который сможет защитить и её, и замок, и людей. Вряд ли король озаботится этим — Эндлгоу

слишком мал и далеко расположен, чтобы прельстить кого-то из его окружения. Да, очень жаль, что барон Эшли, занятый своими военными подвигами, не подумал даже о том, чтобы своевременно обручить дочь с сыном одного из близких ему дворян. Насколько проще всё было бы сегодня. Но что есть, то есть. И теперь задачу приходится решать самим.

Через два дня Лорен, взяв с собой одну лишь молоденькую служанку Милли, переодевшись монахиней, отправилась в Лондон в сопровождении трёх монахов-бенедиктинцев и старого Клайда, у которого были некоторые знакомства и связи в мире торговых людей. Отец Найджел остался управлять замком, а Эндрю принялся укреплять его обороноспособность. С таким малым и слабым гарнизоном он должен был совершать чудеса, чтобы устоять в случае нападения. Но Эндрю был достаточно силён, чтобы взвалить себе на плечи эту тяжёлую ношу. И он очень гордился тем, что леди Лорен доверяет ему.

Дорога была утомительной и долгой. Но и она подошла к концу. Лондон ошеломил Лорен своей многолюдностью, шумом и грязью. Но ей некогда было думать об этом. Дело, приведшее её сюда, было слишком серьёзным.

Получить с ходу аудиенцию у короля оказалось тоже задачей почти невыполнимой. Но

монахи хорошо знали своё дело, они переговорили с кем нужно, и время для встречи с Эдуардом было назначено.

Лорен очень волновалась, когда её провели во дворец. Поскольку она была лицом незнатным, аудиенция состоялась не в большом зале для церемоний, а в маленькой уютной комнате, примыкающей к королевскому кабинету. И вот, наконец, она склонилась в глубоком реверансе перед Его Величеством. Эдуард окинул просительницу быстрым взглядом, и в глазах его на мгновение промелькнули и погасли два горячих огонька.

— Я разрешаю вам встать, мадам, — произнёс властный голос, — вы можете изложить мне дело, которое привело вас сюда.

Лорен выпрямилась, и глаза её встретились с суровым взглядом короля. Выражение его лица не слишком обнадеживало, но она приступила к изложению своей просьбы, стараясь быть предельно краткой. Рассказала всё и завершила мольбой оградить её от хищных притязаний пугающего её мужчины, зарящегося на владения её отца.

Эдуард слушал внимательно, но ещё внимательнее рассматривал просительницу, которая заинтересовывала его всё больше и больше. Он не упустил из виду ни роскошные медовые

волосы, в которые так приятно будет зарыться лицом, ни высокую грудь, как раз по размеру его ладони, ни упругие крутые бёдра, вырисовывающиеся под платьем из тонкой шерсти. И в глазах его опять зажглись опасные огоньки. Эта девушка может доставить ему немалое удовольствие. Удовольствие тайное и короткое. Ему вовсе ни к чему огорчать супругу, которая за долгие годы заслужила его любовь, и которую он глубоко почитал. Но ведь он мужчина, чёрт возьми. Горячий и жаждущий женского тела мужчина, хоть уже и не такой сильный, как раньше. Но эта девушка с её медовыми волосами и топазовыми глазами обещала ему неземное блаженство. Стоит ли упускать такой благоприятный случай?

— Я вас понял, леди, — сказал своим спокойным ледяным голосом. — То, чего вы просите, потребует от меня определённых затрат. И вы должны будете их мне компенсировать.

— Всё, что угодно, милорд король, — наивно воскликнула девушка, не ожидающая никакой каверзы от этого пожилого мужчины, такого холодного и отстранённого. — Я захватила с собой некоторые драгоценности и смогу ...

Холодный резкий смех прервал её тираду.

— О нет, леди, о деньгах в данном случае не может быть и речи. Я потребую от вас услуги. И если вы окажете её, то получите всё, что просите.

Лорен слегка приободрилась. Но чем она может услужить королю?

— Я вся внимание, Ваше Величество, — смиренно прошептала она.

— Отлично, леди, — всё так же холодно сказал на это Эдуард. — Тогда мы произведём небольшой обмен. Мне — ваша девственность, здесь и сейчас. Вам — муж, который сможет надёжно защитить и вас, и замок. Я сам озабочусь подобрать для вас достойного мужчину.

Лорен замерла, услышав такое от монарха, которого почитала как отца.

— Это слишком дорогая цена, милорд король, — сказала помертвевшими губами, немного придя в себя, — я не готова заплатить её. И я слишком уважаю миледи Филиппу, вашу королеву, чтобы причинить ей боль. Все знают, как она любит вас.

Глаза Эдуарда блеснули опасным холодным светом.

— Вы слишком дерзки для просительницы, леди, не находите? — сказал ледяным тоном. — И коль вы так несговорчивы, то придётся вам самой выкручиваться из затруднительного положения. Я умываю руки.

И Эдуард отвернулся, показывая, что аудиенция окончена. Совершенно убитая своей неудачей Лорен сделала ещё один глубокий поклон

и, пятясь, двинулась к выходу. Несколько неловких шагов, и тяжёлая дверь закрылась за ней. Всё! Конец всем надеждам на помощь из Лондона. Остаётся рассчитывать только на свои силы.

Лорен не помнила, как она выбралась из королевского дворца. Не помнила, как рыдала на плече доброй Милли, не в силах взять себя в руки и успокоиться. Впереди маячил страшный образ злобного Симона, и страх сковывал душу.

— Не стоит так убиваться, миледи, — проник в её сознание голос старого Клайда, — мир не без добрых людей, а Господь не оставит вас.

Лорен выпрямилась и сквозь слёзы улыбнулась старому верному управляющему:

— Ты прав, Клайд, я не должна падать духом.

Она вытерла глаза и велела проводить её в ближайшую церковь. Там она долго молилась, прося у Господа защиты, которую не смогла получить от своего короля. На душе стало немного спокойнее, и они все отправились на постоянный двор, где нашли себе приют в этом большом, шумном и грязном городе.

Снова Лорен долго совещалась с отцом Бонифацием и Клайдом. Было решено ехать обратно и искать помощи в своих краях.

Глава 2

На другой день все привезенные драгоценности были успешно проданы, и Лорен всё в том же сопровождении собралась отправиться в обратный путь. Всё было напрасно. Впустую потрачены время и деньги, и ещё неизвестно, чем кончится для неё этот дерзкий отказ монарху.

Но её молитвы, видимо, были услышаны. Совершенно неожиданно утром в день отъезда брат Бонифаций встретил своего давнего друга, пребывавшего сейчас в монастыре под Лестером — в Лондон его послал настоятель с миссией, которую брат Роальд выполнил с блеском и был по этому случаю чрезвычайно доволен собой. Завязался разговор, и брат Роальд проявил интерес к миссии своего друга из Шропшира. Скрывать было нечего, и брат Бонифаций поведал другу грустную историю леди Лорен. Монах всплеснул руками.

— Как это нехорошо, леди, что вы не получили помощь здесь, в Лондоне, — запричитал он. — Наш король иногда бывает несговорчивым, к сожалению. Но это вовсе не значит, что вы должны пострадать безвинно. Вы сирота, Господь не оставит вас, и найдутся люди, готовые вам помочь, я уверен.

Он ненадолго задумался и вновь всплеснул руками, но на этот раз выражение его лица было намного веселее.

— Я, кажется, знаю, леди, где именно вам стоит поискать защиту и помощь.

Вам следует отправиться со мной в Лестер. Там сейчас как раз пребывает наш граф, могущественнейший и богатейший человек в королевстве, его милость Генри Гросмонт, величайший из военачальников. Злая болезнь помешала ему отправиться снова на континент, как он привык делать, — воевать наш граф умеет, как никто. Но с подагрой не поспоришь. Совсем недавно, после успешной осады Кале, король Эдуард сделал его рыцарем Ордена Подвязки. Это великая честь. Наш граф не побоится никого, даже самого монарха, если захочет сделать доброе дело. А на вашу беду он должен откликнуться. Он добрый человек, как и его отец, старый граф Генри, царство ему небесное и светлая память. У него у самого две дочери примерно вашего возраста — очаровательные Мод и Бланш. И супруга графа леди Изабелла женщина отзывчивая. Она не откажет в своей милости бедной сироте, потерявшей отца от этой ужасной чёрной напасти.

Предложение брата Роальда показалось Лорен обнадеживающим. Ведь других путей у неё не было. И она решилась. Брат Бонифаций и два других сопровождавших её монаха согласились, что это может оказаться правильным ходом. Старый Клайд же был готов на всё, лишь бы избавить

госпожу и замок от того ненасытного зверя, что на него зарится.

И когда отряд выехал из Лондона, путь его лежал снова на север, но теперь восточнее, к Лестеру. Не так и далеко от родного дома, но крюк сделать придётся.

Дорога не была слишком трудной, однако Лорен была очень беспокойна. То, что король отказал ей в помощи, больно ранило девушку. Но ещё страшнее было то, что он предложил. Неужели все мужчины таковы и будут требовать от неё того же? Лорен слишком плохо знала жизнь, проводя время в своем отдалённом замке, а мачеха никогда не стремилась просветить её в жизненно важных вопросах. Она, конечно, знала о том, что происходит между мужчиной и женщиной, но была совершенно невежественна во всех вопросах, касающихся взаимоотношений с мужчинами в обществе. И не знала, чего от них ждать. Ей стало страшно.

Пользуясь случаем, она старалась побольше узнать о семье лорда, к которому намеревалась обратиться за помощью, и о нём самом. Разговорчивый брат Роальд был даже доволен проявленной ею любознательностью и заливался соловьём.

— Наш граф Генри Гросмонт, — вещал он своим звучным голосом, — лорд королевской

крови. Ведь он внук Эдмунда Крестоносца, графа Ланкастера, младшего из сыновей короля Генриха III. Он имеет много титулов, которыми одарил его наш король Эдуард за его выдающиеся заслуги на полях сражений: и граф Дерби, и граф Линкольн, помимо того, что он граф Лестер и Ланкастер по праву рождения. А Орден Подвязки? Это же какая честь!

Разговорчивый монах перевёл дух и добавил с недовольным выражением лица:

— Злые языки говорят, что король учредил этот орден в память события на балу, когда его фаворитка графиня Солсбери, танцуя с ним, обронила подвязку, а он её галантно поднял и повязал на свою ногу. Но серьёзные люди в это не верят. Наш король Эдуард слишком высоко чтит рыцарство, чтобы позволять себе такое. Конечно же, он учредил этот Орден во славу Господа нашего, Пресвятой девы и святого Георгия, покровителя Англии, а также для поднятия рыцарского духа в стране. И всего только двадцать четыре рыцаря кроме самого короля и святого Георгия! Подумать только! И наш граф в числе первых удостоился этой награды!

Брат Роальд уже забыл о своём недовольстве и снова разливался майским соловьем.

— А каков ваш граф из себя, и какой у него характер? — поинтересовалась Лорен.

Её уже была крупная дрожь от волнения в ожидании встречи с этим великим человеком.

— О! Наш граф представительный мужчина средних лет. Последнее время он немного прихрамывает, но это ничуть не мешает ему одерживать блистательные победы над врагами королевства. А по характеру он добрый, весь в своего батюшку. Старый сэръ Генри тоже был сильным мужчиной и верно служил Короне. Однако жестоким быть не умел. Когда королева Изабелла скинула с трона своего супруга, нашего предыдущего короля Эдуарда II, она заключила его в замок Корф, а главным тюремщиком назначила сэра Генри, графа Лестера и Ланкастера. Но вскоре его с этой должности сместили, поскольку граф слишком человечно обращался с пленённым королём. А он не умел быть другим. Позднее старый граф учредил дом призрения для бедных беспомощных стариков в своём родном Лестере — люди его за это боготворили. А когда он скончался, совсем ослепший перед смертью, его там и похоронили, на территории созданного им приюта.

Монах горестно вздохнул, перекрестился и на несколько минут умолк, погрузившись в воспоминания. Однако долго грустить он не умел и снова вернулся в настоящее.

— И наш нынешний граф человек добрый, — продолжил он, — он всегда даёт помощь тем, кто её

просит. Он весьма набожен, к тому же. А Господь наш завещал людям прощать и не творить зла.

Многословные излияния доброго монаха несколько успокоили Лорен, но всё равно волнение полностью не покинуло её.

И вот, наконец, маленький отряд вступил на земли Лестершира. Вокруг зеленели луга, а на них бродили отары овец — этот край издавна славился своей шерстью.

Но что особенно обратило на себя внимание Лорен, так это обилие монастырей. Чистые, ухоженные, они были во множестве разбросаны по территории графства.

Брат Роальд не замедлил отреагировать на её замечание.

— Это так, леди, — удовлетворённо подтвердил он, — наши графы всегда были богатыми людьми и стремились поддержать своих подданных духовно. Монастырей у нас много. Но истинная жемчужина среди них это Лестерское аббатство. Вы не можете сейчас увидеть его. Оно находится по другую сторону от нас, севернее города, среди роскошных лугов на берегу реки Соар. Его основал два века назад Роберт де Бомон, второй граф Лестер для братьев-августинцев. Он очень любил своё детище и на склоне лет принял монашество. Здесь он и погребён.

Брат Роальд остановил свой маленький отряд

на вершине небольшого холма и широким жестом ярмарочного фокусника указал на раскинувшийся перед ними город. В мягком свете клонящегося к закату солнца обилие домов, зелени и цветов производило самое приятное впечатление.

— А вот и цель нашего путешествия, леди, — патетически провозгласил монах, — видите, в самом центре города, среди зелени роскошного сада возвышается замок наших графов. А рядом с ним высокое сооружение — это церковь Святой Марии де Кастро. Отец Иоаким, я уверен, на месте, и я передам ему вас с рук на руки. Он позаботится о вас и поможет встретиться с графом.

Брат Роальд сдержал своё слово и доставил путников прямо к отцу Иоакиму. Тот оказался совсем стареньким, седым и исхудавшим мужчиной, но голубые глаза его были молоды и излучали мягкий свет, свидетельствующий о способности к состраданию. Добрый священник внимательно выслушал историю леди Лорен и обещал своё содействие. А сейчас помог найти приют на ближайшую ночь и оставил Лорен немного успокоенной. Милли, как могла, привела хозяйку в порядок после длительного путешествия, и утро они встретили в полной готовности к важным событиям, ожидающим леди.

Однако попасть в замок графа Лестера им удалось только после полудня. Граф согласился

выслушать девушку, просящую у него помощи, но много времени на эту встречу не обещал.

Приблизившись к большим воротам замка, Лорен на мгновение замерла, поражённая величиим того, что открывалось её взору. По обе стороны высоких крепких ворот красовались два выбитых в камне герба. Справа вставший на дыбы белый лев грозно размахивал мощными лапами на красном фоне — герб дома де Монфоров, предков графа, объяснил отец Иоаким. Слева три нормандских льва, один под другим, перекрытых яркой голубой полосой — знак дома Ланкастеров. А наверху, над самыми воротами полузатёртый герб дома де Бомон — жёлто-красное шахматное поле. Это производило впечатление. Всё здесь говорило об устоявшихся веками силе и богатстве.

Дорога к замку шла через роскошный парк. Старые раскидистые деревья бросали на землю густую тень. А потом перед глазами Лорен открылось само строение — величественное, старинное, гордое. Девушка совсем оробела, и старый священник ободрил её взглядом. Двери открылись. Величественный и важный, как сам замок, слуга повёл их вглубь этого просторного здания с высокими потолками и узкими окнами.

И вот, наконец, Лорен ввели в большую мрачноватую комнату, освещаемую огромным камином, от которого исходило приятное тепло.

По-видимо-му, толстые стены старого замка плохо прогрелись ещё солнечными лучами, и помещение приходилось протапливать даже днём. Сам граф сидел в большом удобном кресле перед самым огнём, его правая нога была с комфортом устроена на маленькой скамеечке, а колени прикрыты тёплым пледом. У его правой руки стоял небольшой столик с внушительным кувшином и чашей. Рядом на низенькой скамеечке сидел невзрачный человечек с письменными принадлежностями в руках. Увидев входящих посетителей, граф сделал величественный знак рукой, отпуская маленького писаря, и повернулся к вошедшим.

Лорен склонилась в низком реверансе.

— Поднимитесь, милая, — раздался низкий мужской голос, мягкий и бархатистый, хотя грозные нотки в нём угадывались, — подойдите сюда, присядьте вот на этот стул и расскажите мне, что вас привело в мои владения. А вы, отец Иоаким, будьте добры, подождите пока что возле окна. Вы мне будете нужны.

Священник послушно отправился к дальней скамье у окна, а Лорен предстала перед графом.

— Благодарю вас, милорд, — взволнованно произнесла она, — от всего сердца благодарю за то, что согласились меня выслушать. У меня большая беда, и помочь мне некому.

И девушка открыто и без утайки поведала лорду Лестеру всё, что с ней случилось в последний год, такой для неё тяжёлый. Не скрыла она и того, что уже обращалась за помощью к королю, но Его Величество ей отказал.

— Не может такого быть, леди, — усомнился граф, — наш король истинный рыцарь и никогда не оставит женщину в беде, тем более такую милую, как вы. Вы чем-то рассердили его?

— Увы, по-видимому, так, — потупилась Лорен, — я совсем не ожидала того, что услышу, и ответила, думаю, слишком грубым отказом на предложение расплатиться за помощь и защиту своей девственностью. Я не могла этого сделать, милорд. Это само по себе недопустимо для девушки из приличной семьи. Но когда я представила, как посмотрит на меня королева Филиппа, мне стало совсем не по себе. Наверное, я поступила глупо, но иначе я не могу.

— Н-да, — граф потёр подбородок, — история, конечно, получилась некрасивая. Вы попали к королю в неподходящий момент, когда он, надо думать, был сильно расстроен нездоровьем королевы. Эдуард не настолько похотлив. Хотя, конечно, мужчина остаётся мужчиной, а вы очень милы, и ваша непорочность сияет прямо-таки до неприличия ярко.

Он помолчал, задумавшись.

— Знаете что, леди Лорен, — продолжил лорд, улыбнувшись, — давайте забудем об этом. Я, конечно, постараюсь помочь вам. Но мне нужно подумать, как лучше это сделать. А сейчас мы позовём графиню Изабеллу, мою супругу, и я попрошу её уделить вам немного внимания.

Через десять минут Лорен попала в руки приятной женщины средних лет с гордой осанкой и красивыми тёмными глазами и в который уже раз изложила историю своих бед. Графиня выслушала её со всем вниманием и легко погладила по руке:

— Не надо огорчаться, дорогая, — сказала своим мягким приятным голосом, — мужчины удивительный народ, и часто совершают непонятные для нас поступки. Но мы, женщины, довольно хорошо научились укрощать их. Вам это искусство, по-видимому, предстоит ещё освоить. Жаль, что рядом с вами не было женщины, способной помочь вам своевременно познать эту премудрость. Но вы, я надеюсь, погостите у нас немного, и кое-что поймёте. Мои девочки недалеко от вас ушли по возрасту, но они уже вполне владеют наукой обращения с мужчинами и, я верю в это, смогут стать счастливыми в жизни.

— Я очень благодарна вам, миледи, — в глазах и голосе Лорен стояли слёзы, — я не могла даже помыслить о том, что получу такой добросердечный приём в вашем замке. Ваша семья

стоит так высоко, а я дочь простого барона с Уэльского приграничья.

— Ну-ну, милая, — отозвалась графиня, — добрые дела не знают сословных границ. А вы сирота, и помочь вам наша прямая обязанность, коль Господь привёл вас к нашему порогу. Я уверена, мой супруг найдёт решение для вашей проблемы. А я немного позабочусь о вашем женском образовании.

Графиня Изабелла улыbnулась и увела Лорен вглубь замка, где в красивых, изящно обставленных и удивительно уютных покоях обитали женщины графского семейства. Обе дочери лорда Генри Гросмонта были очаровательны и столь же приветливы, как их мать. Старшая из них, темноволосая и очень изящная Мод была только на год-полтора младше Лорен, но уже давно помолвлена с герцогом Баварии. Младшей, одиннадцатилетней Бланш, живой голубоглазой девочке, предстояло войти в королевскую семью — она была помолвлена с третьим сыном короля Джоном Гонтом. Обе девушки произвели на Лорен огромное впечатление своими благородными манерами, красивыми нарядами и той уверенностью, которую они обе излучали. Их, безусловно, ждёт блестящее будущее, и Лорен от души пожелала им счастья.

Три дня, проведённые Лорен в замке графа

Лестера, на многие годы остались в её памяти. За эти дни графиня Изабелла и её дочери ненавязчиво, но очень наглядно преподали ей несколько основных уроков женственности, способной побеждать мужскую силу. Лорен была восприимчива к обучению и менялась буквально на глазах. А когда она уже готовилась к отъезду, её гардероб пополнился несколькими красивыми платьями и очень тёплым, подбитым мехом плащом. Лорен вспыхнула, получив такой дар, но графиня успокоила её.

— Не переживайте, моя девочка, — как всегда мягко, улыбаясь, проговорила она, — в этом нет ничего унижительного. Просто Мод пожелала немного поделиться с вами. Вы ведь одного роста и почти одинакового сложения. Ей будет приятно, если вы примете её дар. А вы в этих платьях будете выглядеть вполне достойно. Вы ведь дочь барона, не забывайте об этом.

На глаза Лорен навернулись слёзы, и она, не удержавшись, припала губами к руке графини Изабеллы. А, почувствовав, как другая рука женщины мягко опустилась на её голову и слегка погладила её, разрыдалась вслух. Несколько минут Лорен рыдала, а графиня успокаивала и утешала её. Эти минуты останутся в душе девушки, лишённой материнской ласки, светлым лучом навсегда.

На четвёртый день её пребывания в этом

роскошном замке граф Лестер пожелал довести до неё своё решение. Её снова пригласили в ту большую, согреваемую огромным камином комнату, где девушка впервые увидела этого великого человека. Как и в первый раз, он сидел у огня, но был один и сразу пригласил гостью присесть возле его кресла.

— Я доволен вами, моя дорогая, — начал граф по-военному прямо, — вы сумели произвести хорошее впечатление на мою супругу, а её суждениям я привык доверять. Я готов помочь вам. Сейчас я передам в ваше распоряжение отряд хорошо вооружённых воинов во главе с капитаном. Они будут охранять ваш замок до тех пор, пока вы не обретёте надёжную защиту в лице супруга. Хватит ли у вас средств содержать такой отряд?

— О да, милорд, — откликнулась очень довольная таким решением Лорен. — Будучи в Лондоне, я сумела продать все драгоценности, какие нашлись в моём замке. Да и доходы моя земля даёт неплохие. Я справлюсь.

— Отлично, леди, — подвёл итог граф. — Значит, вы можете отправляться к себе в своё дикое приграничье, а я попробую подыскать для вас достойного мужа. На особо хорошую партию рассчитывать не приходится, разумеется, но вполне можно подобрать младшего сына их приличного семейства.

Граф тепло улыбнулся:

— И я желаю вам счастья, дорогая, вы его заслуживаете.

Лорен склонилась перед этим могущественным и таким добрым мужчиной и с благодарностью поцеловала лежащую на колене сильную руку.

Прощание с семейством графа Лестера было тёплым. И утром следующего дня внушительный отряд устремился на запад. Им предстояло покинуть земли Лестершира и пересечь Стаффордшир. Дорога была спокойной. Впервые Лорен могла чувствовать себя вполне защищённой в окружении двух дюжин отлично вооружённых сильных солдат. А их капитан Сэм Хоуэл, крепкий мужчина в годах, производил впечатление надёжной стены, за которой можно спрятаться от всех бед.

Второй день пути подходил к концу, когда капитан дал команду сделать привал. Люди спешили. Лорен поднялась на небольшой пригорок и замерла в восхищении. Перед ней расстилались холмистые просторы её родного Шропшира. А над ними расцвело чудо. Закатное небо сияло сказочной, неправдоподобной красотой. Там, где солнце опускалось за горизонт, скрытое густой дымкой, разливался яркий оранжево-розовый свет — как затихающее пламя. А

по бокам небо приобрело глубокий бирюзовый цвет, постепенно переходящий в голубизну. И над всем этим, как могучая армада, плыли большие, удлинённые сиренево-розовые облака. Лорен стояла, затаив дыхание, пока сказочные краски не померкли, и сумерки не поглотили их. А от организованной капитаном стоянки фигура девушки была видна как на картине — стройный женский силуэт, устремлённый вдаль. И сердце капитана дрогнуло в желании защитить, оберечь это хрупкое создание от надвигающегося на него зла. Он, как никто другой в маленьком отряде, понимал важность порученной им задачи, поскольку, как и сам граф, имел двух дочерей на выданье. Эта девушка, доверенная его защите, может быть спокойна, теперь она в безопасности.

Лорен не знала, естественно, о благородных размышлениях бравого капитана, и волнение всё ещё не оставило её. А вдруг, пока её не было, злобный Симон де Бре захватил замок? Вдруг он убил её людей? Вдруг? Вдруг? Но все эти переживания оказались напрасными. На следующий день после полудня Эндлгоу предстал перед глазами путников на фоне зеленеющих холмов. Его мрачные серые стены производили впечатление достаточно мощной твердыни, и это порадовало капитана. Всё же организовать оборону замка такими малыми силами, как располагал он,

было непросто. Особенно если врагов будет много. Но теперь он мог полагаться на крепость старых замковых стен и ещё на людей, находящихся внутри. Если там есть молодые мужчины, он живо обучит их основам военной науки. Ведь замку предстоит ещё не раз выдержать атаки неприятеля, тем более что здесь совсем близко граница с Уэльсом. А валлийцы беспокойный народ.

Когда отряд подъехал к воротам замка, над парапетом надвратной башни возникло лицо молодого, но довольно сурового воина и строгий голос спросил, что нужно чужим вооружённым людям в этом замке. Но Лорен, засмеявшись, выдвинулась в первый ряд, и лицо воина засияло счастливой улыбкой. Он что-то крикнул находящимися внутри помощникам, и мощные ворота стали открываться. Заскрипел, опускаясь, подъёмный мост, поползла вверх тяжёлая железная решётка. На стенах замка возникло ещё несколько улыбающихся лиц, и отряд вступил в маленький, но чистый двор. Навстречу им двинулся старый священник, а люди, высыпавшие отовсюду, счастливо улыбались. Их хозяйка благополучно вернулась из далёкой поездки и привезла помощь.

Опытный капитан окинул взглядом не слишком большой, но хорошо обустроенный двор замка, отметил царивший вокруг порядок и одобрительно глянул в сторону молодого воина,

который, по всем признакам, был здесь за старшего. Парень был ещё молод, но уже вполне отвечал своему положению. У Сэма Хоуэла отлегло от души — с таким помощником он сможет оборонять замок даже со своими небольшими силами.

Отец Найджел приветствовал вернувшуюся госпожу и прибывших с ней воинов. В замке всё пока было спокойно, и можно было немного расслабиться. В этот вечер в честь такого важного события был приготовлен скромный пир, и, сидя на возвышении рядом с хозяйкой, священником и молодым командиром местного гарнизона, капитан смог обозреть всех, кого ему предстояло защищать. Только несколько воинов остались на стенах, неся дозор, но их он уже видел.

На следующий день состоялся большой совет. Капитан Сэм Хоуэл высказал своё удовлетворение положением дел в замке и одобрил действия молодого воина, бывшего здесь за главного. Теперь командование гарнизоном, естественно, переходило к нему, но он пожелал оставить Эндрю своим помощником.

— Мы здесь не навсегда, дружок, — сказал он, — а когда вернёмся к себе, тебе предстоит нести эту ношу на своих плечах. Надеюсь за то время, что мы тут, ты и твои люди освоите воинскую науку в совершенстве. Я вижу в тебе отличные задатки настоящего воина, сынок.

Так между двумя людьми, которые могли бы стать соперниками, сразу установились доверительные, почти дружеские отношения. Эндрю знал, что ему ещё многое нужно освоить, и был рад появлению учителя. Сэму была приятна перспектива обучить воинскому делу толкового парня, подающего большие надежды.

— А что ваши соседи, валлийцы, — спросил он, — не беспокоят вас? Уж слишком они близко.

— Им сейчас не до нас, — ответил отец Найджел. — Говорят, этой весной чума жестоко прошла по Уэльсу. Я слышал, что в замке Кладикот, что в истоках Северна, умерло тридцать шесть арендаторов из сорока, а поместье Деганнуи в Карнарвоншире опустошено полностью. Так что в ближайшее время нам не их стоит опасаться, а тех, кто живёт на английской земле.

— Тут вы правы, святой отец, — поддержал его капитан, — думаю, не только этого претендента из-под Ковентри нам следует ожидать в скором времени. В нашей стране вести разносятся быстро, и на руку наследницы весьма крепкого замка с хорошими землями найдутся ещё желающие. Поверьте мне, недолго нам ждать нашествия женихов.

Капитан Сэм Хоуэл как в воду глядел. Буквально на следующей неделе у ворот замка появился небольшой отряд. Учитывая

малочисленность воинов и вежливое обращение их рыцаря, отряд допустили в замок. Оказалось, что безземельный рыцарь Хью Догерти прослышал о появлении невесты с хорошим приданым и поспешил в Эндлгоу. Ему объяснили, что наследница находится под покровительством самого графа Лестера, и он озаботился найти ей мужа. С этим спорить не приходилось, и рыцарь откланялся. «А жаль, — подумалось Лорен, — он весьма приятный мужчина и не кажется ни злым, ни жестоким».

А буквально через три дня под стенами Эндлгоу объявился Симон де Бре. Он прибыл с отрядом весьма многочисленным, но слабо вооружённым и не производящим серьёзного впечатления. Симон грубо потребовал открыть ему немедленно ворота и опустить подъёмный мост, поскольку он приехал за тем, что принадлежит ему, и сила теперь на его стороне. Ему ответила сама Лорен, поднявшаяся на стену замка. Девушка объяснила настырному жениху, что он ничего не получит здесь, поскольку она теперь находится под покровительством графа Лестера, и он решает её судьбу.

— Мне абсолютно наплевать, под кого ты легла, шлюха, чтобы защититься от меня, — грубо заявил он, — будь он хоть граф, хоть сам король. Сейчас он далеко, а я здесь. И ты быстренько

обвенчаешься со мной, будь я проклят, если не сделаю этого. А потом я уж найду, как объясниться с твоим опекуном. Так что вели открыть ворота, сучка, и постарайся встретить меня поласковее, если не хочешь получить хорошую трёпку.

Лорен ушла со стены, и ворота действительно открылись. Но к великому изумлению Симона де Бре из них вылетел большой отряд отлично вооружённых воинов и кинулся прямо на его людей. Те не были готовы к такому повороту событий, и добрая половина отряда тут же развернулась и пустилась наутёк. Остальные вступили в сражение, но силы были неравны. Капитан лично схватился с наглым дворянином, столь непочтительно отозвавшимся о его господине. Обезоружил его очень быстро, а потом пронзил мечом. Честь его господина требовала, чтобы нанесённое оскорбление было смыто кровью. Остальных воинов добивать не стали, просто обезоружили и отпустили на все четыре стороны. Те унеслись быстрее ветра. Рисковать своей жизнью не захотел никто.

Победителям осталось только похоронить под стенами замка нескольких погибших, и можно было слегка расслабиться. У Лорен отлегло от души — злобный Симон де Бре ей больше не угрожал. Но успокаиваться было рано. Никто не знает, сколько ещё охотников за приданым занесёт в их края

попутный ветер.

Глава 3

Уже полвека Франция и Шотландия, объединённые союзным договором, вместе противостояли неуёмным амбициям Англии. Шотландцам хорошо были памятливы кровопролитные сражения в период настойчивого наступления на их страну Эдуарда I Английского. Тогда их сопротивление натиску англичан возглавил прославленный король Роберт Брюс, и при нём страна обрела независимость. Брюс сумел укоротить руки Эдуарду II, разбив его в пух и прах в битве при Бэннокберне. Но тот король был слабаком, чего не скажешь о теперешнем. Внук первого Эдуарда оказался силён и настойчив — явно пошёл в деда. Наследник же Роберта Брюса Дэвид II был куда слабее своего отца, и Шотландия терпела поражения одно за другим. Когда французы были наголову разбиты англичанами в битве при Креси, выполняющие свои договорные обязательства шотландцы вторглись на земли Англии с намерением оттянуть на себя силы противника. Но Эдуард III хорошо укрепил свою северную границу, и воевать пришлось долго. Шотландцам удалось разорить Камберленд и добраться до Дарема. Но здесь их встретили войска

англичан, и у большого каменного Невиллс-Кросса, старой реликвии ещё англо-саксонских времён, состоялось роковое для шотландцев сражение. В этой битве их армия потерпела сокрушительное поражение, а их король, вместе со многими знатными вельможами страны угодили в плен к англичанам.

И вот сейчас их монарх томится в Лондонском Тауэре. Конечно, ему, как родственнику английского короля, женатому на его сестре Джоанне Плантагенет, созданы достойные условия содержания. Но стране-то от этого не легче. Временный правитель Роберт Стюарт, племянник короля Дэвида, не обладает ни сильной волей, ни авторитетом. А подрастающим сыновьям дворянских семей нужно становиться на ноги. И многие из них, не имеющие наследства здесь, в Шотландии, устремились на континент, находя службу под рукой короля Франции Филиппа VI Валуа.

Небогатый дворянин из равнинной Шотландии Лахлан Мюррей был сильным мужчиной и имел уже четырёх здоровых сыновей, когда его жена Несса умерла в родах, пытаясь произвести на свет ещё одного маленького Мюррея. Муж погоревал немного и решил, что заслужил малость радости в жизни. В связи с этим он возжелал жениться ещё раз и согреть свою слегка

застоявшуюся кровь горячей молодой женой. Его взгляд остановился на гордой Файфе Маккин с Хайленда, не имевшей ничего кроме дикой вызывающей красоты и горячего нрава. Лэрду Мюррею удалось заполучить красавицу в жёны, но счастье его оказалось недолгим. Файфа выдержала в объятиях стареющего, слишком спокойного для неё мужа меньше года и вернулась к себе в Нагорье, унося с собой и нерождённое дитя — конечно, ещё одного мальчика, был уверен оставленный муж. Ребёнок родился в горах недалеко от побережья залива Мори-Ферт, где обитал бедный и совсем малочисленный клан Маккинов. Здесь мальчик попал в руки деда, воинственного и сильного мужчины, утратившего многих своих людей и растерявшего богатства в затяжной вражде с сильным кланом Кэмпбеллов, владеющих землями возле озера Лох-Файн. Дед растил мальчика таким же сильным воином, как был сам, не делая скидки на юный возраст. И в семь лет Ранальд уже умел многое из того, что должен знать и уметь настоящий мужчина, только силёнок у него было маловато. Но это придёт с годами, смеялся дед, главное — знать, как эти силы применить и уметь делать это с максимальной пользой для себя. Летом того года, когда Ранальду должно было исполниться восемь, случилась беда, навсегда изменившая его жизнь. Нападение Кэмпбеллов

было внезапным. В селении началась суматоха, и дед успел закинуть маленького Ранальда на высокое дерево под скалой.

— Сиди там и не слезай до тех пор, пока всё не закончится, — велел он строгим голосом, — на этот раз нам не справиться, но должен же остаться в живых хоть кто-то, кто потом отомстит за нас.

Дед бросил на него последний взгляд, и в глазах его внук прочёл любовь, о которой тот никогда не говорил словами. Сердце мальчика потянулось вслед за человеком, который был ему ближе и дороже всех, но Рори Маккин уже кинулся в гущу схватки, размахивая мечом и кроша врагов. Однако Кэмпбеллов было слишком много, и одолели они. Сидя в своём убежище, Ранальд только глотал слёзы, видя, как один за другим падают под ударами врагов люди его селения. Он видел, как какой-то воин схватил его мать, бросил на землю, наскоро овладел ею и затем быстрым ударом ножа перерезал ей горло. Новый муж матери, метнувшийся ей на помощь, был остановлен на полпути другим Кэмпбеллом, проткнувшим его насквозь своим мечом. Дед бился как могучий зверь, но его теснили уже трое Кэмпбеллов, а четвёртый, подобравшись сзади, нанёс предательский удар в спину. Дед взмахнул руками и осел на землю, тут же ставшую красной от пролитой на неё крови. В памяти мальчика,

объятого ужасом, эта картина отпечаталась навсегда. И он хорошо запомнил лицо труса, ударившего его деда сзади. В сердце мальчика кипели гнев и жажда мести. Но что мог сделать он, маленький и совсем одинокий? Он даже похоронить родичей сам был не в силах. Единственное, что он сумел, это дойти до дальнего монастыря в горах и призвать на помощь монахов. Те пришли в селение, отпели и похоронили погибших и забрали мальчика с собой.

Около года провёл Ранальд в маленьком бедном монастыре в горах, а потом за ним приехал отец. Именно здесь, в монастыре, мальчик впервые услышал о том, что за пределами их гор плещется широкий океан жизни, что есть на свете другие люди, говорящие на иных языках, есть другие страны и большие города с высокими мощными замками. И ему страстно захотелось этот мир увидеть своими глазами.

К чести Лахлана Мюррея надо сказать, что он незамедлительно откликнулся на призыв монахов из далёкого горного монастыря, долго доходивший до него сложными путями, и сам лично отправился за сыном. Мальчика он нашёл рослым и сильным не по годам, но совершенно диким. Ребёнок не знал иного языка, кроме гэльского, и отцу, жителю равнины, привыкшему к речи англичан, было непросто общаться с ним. Но с этим они

справились. Мальчик был очень сообразителен, а отцу пришлось вспомнить кое-что из того, что он слышал от красавицы Файфы, так недолго бывшей его женой. Вместе с сыном он заехал в опустевшее селение и долго стоял над могилой женщины, которую возжелал, но так и не сумел сделать своей. А мальчик, крепко сжав кулаки и изо всех сил удерживая слёзы, склонился над могилой вождя этого маленького клана, затерянного в глубине дикого Нагорья, и оставшегося теперь только в его памяти. В эти минуты он дал клятву человеку, которого любил больше всех:

— Ты можешь быть спокоен, де, я вырасту сильным и бесстрашным, как ты, научусь быть умелым в битве и вернусь сюда. Я найду того труса, что вонзил тебе меч в спину. Я хорошо помню его лицо, и ему от меня не уйти. Чего бы мне это ни стоило, он умрёт от моей руки. Ты будешь отмщён, де. И я никогда, никогда не забуду тебя, клянусь.

Жизнь на равнине оказалась совсем иной, чем там, в горах. Ранальду было нелегко привыкнуть к ней, но он справился. Отец понимал, что у его младшего сына нет никаких надежд на будущее. Единственное, что он может ему дать, это имя и дворянское звание. Всё остальное мальчику придётся добывать самому. К счастью, сын обладал задатками истинного воина, и отец помог развить их. Он также дал мальчику кое-какое образование в

ближайшем монастыре. И уже к восемнадцати годам юный Ранальд был сильным воином, прекрасным наездником и владел несколькими языками. Он навсегда запомнил родной гэльский, легко освоил английский, знал основы латыни и не слишком хорошо, с сильным акцентом, но говорил по-французски. Отец-настоятель монастыря, где мальчик получал своё образование, втолковвал ему, что у него нет иного пути, как выйти в большой мир, а дорога туда лежит через Францию. Многие шотландские дворяне находят под рукой французского короля славу и богатство.

Ранальд загорелся этой идеей, и отец не стал его отговаривать. Но прежде предстояло завершить одно важное дело здесь, в Шотландии. И Ранальд отправился в Хайленд. Немало времени ушло на то, чтобы найти тех Кэмпбеллов, что так свирепо расправились с жителями маленького селения близ Мори-Ферта. Их небольшой замок расположился у самого устья реки Ари недалеко от озера Лох-Файн. Ещё какое-то время ушло на то, чтобы найти врага. Его лицо Ранальд запомнил очень хорошо, но пролетевшие годы изменили мужчину. Удостоверившись в том, что нашёл того, кого искал, Ранальд совершил дерзкое нападение и в завязавшейся битве прикончил-таки убийцу деда ударом меча, рассёкшим его чуть не надвое.

— За Рори Маккина! — успел крикнуть он и

унёсся вдаль. Теперь ему нужно было как можно быстрее уносить ноги не только с Нагорья, но и из страны. Кэмпбеллы были не из тех, кто оставлял врагов живыми.

С теми небольшими средствами, которыми располагал отправляющийся в свою одиссею Ранальд Мюррей, добраться до Парижа было не так просто. Денег хватило на оплату места на корабле, доставившем его в Брюгге, но кошель его заметно отошал. А нужно было ещё выбраться из Фландрии и преодолеть долгий путь по французской земле. Однако очень быстро молодой шотландец понял, что у него есть кое-что ещё, получше денег. Женщины, которых он встречал на своём пути, не могли оставаться равнодушными к его рослому сильному телу воина, синим глазам и тёмному шёлку волос, роскошными волнами падающих на плечи. Они дарили ему не только свою любовь, но и кров над головой, отличную пищу и иногда даже монетку-другую.

Путь по земле Фландрии оказался весьма приятным. Но Франция встретила его разрушенными поселениями, необработанной землёй и привкусом пережитой беды. Ещё совсем недавно здесь прошла огромная армия англичан, разорившая страну на много миль от мест сражений. Только ближе к Парижу, уже где-то за Амьеном, места стали более обжитыми. Но всё

равно это не шло ни в какое сравнение с процветающей мирной Фландрией. Надежды Ранальда несколько поблекли. Однако всё равно жизнь брала своё, и по-преж-нему находились женщины, готовые щедро одарить молодого красивого шотландца за горячую ночь любви. Только дать они могли намного меньше.

Попав, наконец, в Париж, Ранальд понял, что надежды его потерпели полный крах. Положение стареющего короля Филиппа VI Валуа было почти что отчаянным. В битве при Креси он потерял практически весь цвет французского дворянства, говорили, что более полутора тысяч благородных рыцарей, представителей знатных семей полегли на поле боя. Все западные провинции страны были опустошены, казна пуста, а народ недоволен. И королю не оставалось ничего другого, как искать перемирия с заклятым врагом. И теперь шотландские воины, которым нужно было платить, мало интересовали его.

Ранальд Мюррей, молодой сильный мужчина, оказался в весьма затруднительном положении. Те небольшие средства, которыми он располагал, таяли как лёд на весеннем солнце. Возможностей получить службу во Франции не было. Даже добраться домой ему было не на что. Хотя он хорошо понимал, что будь у него в руках полный кошель монет, гордость не позволила бы ему

вернуться к отцу ни с чем. Тем более что никто его там особо и не ожидал. И, поразмыслив хорошенько, Ранальд принял решение предложить свой меч англичанам, но с условием, что он никогда не станет воевать против своей страны.

Выполнить принятое решение оказалось не так просто. Перемирия заключаются и нарушаются королями, а в народе вражда между французами и англичанами не стихает. Слишком свежа в памяти французов разорённая Нормандия, идти туда просто глупо, решил Ранальд, и двинулся на север, на Кале. Эта крепость после многомесячной осады, как он узнал, теперь в руках англичан. И это, по-видимому, единственное место, где он сможет встретиться с кем-то из английских лордов.

Продвигался на север не быстро, используя старый проверенный метод. Но это становилось всё труднее. Да, война оставляет жестокие следы на земле, через которую проходит.

Но вот подошёл к концу и этот путь, показавшийся таким долгим. Крепость в Кале, ещё недавно бедной рыбацкой деревушке, оказалась не слишком большой, но прекрасно укреплённой и окружённой системой каналов. В северной части, ближе к морю, возвышалась мощная Сторожевая башня. Ранальд подошёл к воротам крепости и попросил провести его к капитану. В ответ из цитадели выскочили с десятков дюжих солдат и

живо скрутили ему руки, отобрав меч. Ранальд пытался что-то объяснить, но никто не стал его даже слушать. Его быстро потащили внутрь и поставили перед высоким пожилым офицером с недобрым, испещрённым морщинами лицом.

— Мы поймали лазутчика, сэр, — громко доложил один из захвативших его солдат, — как раз под воротами крепости.

Офицер окинул Ранальда неприветливым, даже злым взглядом. Он не любил молодых ладных мужчин, особенно таких, красивых до неприличия.

— Вот и славно, ребята, — произнёс он хриловатым низким голосом, — поймали, так и тащите на виселицу, она как раз пустует уже третий день.

— Но, сэр, — возмутился Ранальд, — я сам пришёл к вам. И я не лазутчик. Я хотел поступить на службу к королю Эдуарду.

Офицер рассмеялся холодным злым смехом, от которого мороз подирал по коже.

— У короля Эдуарда хватает солдат и без подлых шотландцев, — высокомерно заявил он. — А я не настроен выслушивать твои басни. Наши вороны давно не лакомились свеженькими трупами. Так уж будь добр, порадуй птиц.

В голове Ранальда мысли неслись бешеным скакуном. Он не собирался дать себя вот так просто убить. Уж если умирать, то в компании с

двумя-тремя солдатами, а ещё лучше этим злобным типом в офицерском платье. Меч у него, разумеется, отобрали, но его любимый кинжал легко достаётся, только бы руки освободить.

Солдаты приготовились снова поволочь пленного — теперь уже во двор, к большой виселице, что красовалась в центре его, рядом с раскидистым старым дубом. Но тут слышались уверенные твёрдые шаги, и ещё один мужчина появился в большом зале. Он был высок, дороден и выглядел настоящим лордом.

— Кого это ты опять собираешься повесить, де Бриер? Всё слава Джошуа-вешателя не даёт тебе покоя? Ты уже почти догнал его.

Голос говорившего был обманчиво мягок, его грозные раскаты прятались за откровенной насмешкой.

Офицер сразу преобразился до неузнаваемости. Лицо его приобрело выражение почтительное, но озабоченное.

— Очередной лазутчик, милорд, — ответил он с низким поклоном, — на этот раз шотландец.

Лорд, как показалось Ранальду, сразу потерял интерес к происходящему. Офицер всё ещё стоял, склонившись, солдаты вытянулись перед высоким начальством, и Ранальд не упустил момента. В мгновение ока он выбил оружие из рук ближнего к нему солдата, опрокинув его на землю и,

метнувшись вперёд, схватил выпрямившегося де Бриера. Когда присутствующие пришли в себя, он уже стоял спиной к стене, обхватив одной рукой перепуганного насмерть офицера, а другой приставил кинжал к его горлу.

— Нет, милорд, вы выслушаете меня, прежде чем это злобный боров отправит меня на виселицу, — заявил он. — Я прошу справедливости.

— Хорошо просишь, — усмехнулся лорд, — и доводы у тебя убедительные.

Он сделал знак рукой, и солдаты, готовые броситься на шотландца, отступили.

— Я выслушаю тебя, парень, — добавил он, — только отпусти уже моего офицера, он совсем позеленел, бедный. Здесь никто тебя больше не тронет, пока я не приму решение, что с тобой делать. Слово рыцаря.

Ранальд отшвырнул от себя де Бриера, потиравшего слегка поцарапанную шею и сосредоточился на лорде. Ему ничего не оставалось, как довериться его слову.

— Я действительно шотландец, милорд, моё имя Ранальд Мюррей. И я сам пришёл к крепости с намерением проситься на службу к королю Эдуарду. Но меня никто и слушать не захотел. — Пленный говорил спокойно, но при последних словах метнул такой испепеляющий взгляд на де